

30-го Сентября.

Вчерашній вечеръ у насъ былъ очень удаченъ. Все прошло спокойно и тихо, и музыка доставила нѣсколько пріятныхъ часовъ собравшимся у насъ гостямъ. Вася превзошелъ самого себя: весь вечеръ онъ былъ очень расположенъ и даже весель, какимъ я не видала его уже очень давно. Прелестная «Крейцерова Соната», которую я играла съ Трухачевскимъ, очевидно произвела на него не менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на меня самое, и я это прочитала въ его глазахъ, когда онъ подошелъ ко мнѣ. Во всемъ виновата, конечно, волшебная музыка, которая своей гармоніей очаровываетъ насъ, отрываетъ отъ всего земного и заставляетъ мысль умчаться въ безконечность. Трухачевскій, исполнившій свою партію безупречно, и я, мы оба не чувствовали подъ собой ногъ, отъ восхищенія, до того мы увлеклись прелестными звуками.

До сихъ поръ еще звучать въ моихъ ушахъ бурное *presto* и нѣжныя, мягкія трели инструмента. Все, что мы потомъ играли, потеряло для меня всякое значеніе послѣ чудной Бетховенской Сонаты. Неужели и Трухачевскій способенъ также чувствовать всю прелесть музыки, какъ и я? Трудно себѣ представить, чтобы человѣкъ могъ такъ прелестно передавать пьесу, не понимая ея и не увлекаясь ею. Разумѣется, его восхищенные взгляды, которые онъ бросалъ на меня послѣ игры, не ускользнули